

Су
Мань-шу

Одинокий
лебедь

Изящная классика Востока

Мань-шу Су

Одинокий лебедь

«Азбука»

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

Су М.

Одинокий лебедь / М. Су — «Азбука», — (Изыщная классика Востока)

ISBN 978-5-389-35437-1

Знаток поэзии, каллиграфии, живописи и литературы, Су Мань-шу был исключительно талантлив и как поэт, и как художник. А по характеру являл собой воплощенное противоречие. Он трижды уходил в монахи и трижды возвращался в мир. Он был аскет и обжора. Революционер и традиционалист. Он стремился под сень древних храмов, чтобы погрузиться в созерцание святынь и читать священные буддийские писания, – и переводил там западную поэзию. Свободно владея английским, японским, французским и санскритом, Су Мань-шу оставил после себя богатейшее культурное наследие, хотя прожил всего 34 года. «Одинокий лебедь», пожалуй, лучшее произведение Су Мань-шу в художественной прозе. Этот небольшой, во многом автобиографический роман стал важным этапом в развитии китайской литературы – по сути, первым произведением в жанре исповедальной прозы, написанным от первого лица, но в классическом литературном стиле. В 1898 году у Су Мань-шу были романтические отношения с японской девушкой по имени Цзиньци. Она умерла, не выдержав давления семьи, вынуждающей ее оставить любимого человека. Эта трагедия нашла отражение в истории молодого послушника Сабуро, который, покинув монастырь Морское облако, вступает в новую для него жизнь духовного лица... В настоящее издание вошли также повести «Сабля» и «Сломанная шпилька», в оформлении использованы рисунки Су Мань-шу.

УДК 821.581
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-389-35437-1

© С. М.
© Азбука

Содержание

Одинокий лебедь	8
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	15
Глава пятая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Су Мань-шу Одинокий лебедь

#

#####

В оформлении издания использованы рисунки тушью Су Мань-шу

© В. И. Семанов (наследник), перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Одинокый лебедь

Глава первая

В том краю, где некогда жили племена юэ¹, на южном берегу залива, высится гора Золотой черепицы. Она названа так потому, что в безоблачный день сквозь густую зелень тут можно разглядеть красную черепичную чешую на крыше древнего монастыря Морское облако. Рассказывают, что во время крушения сунской династии², после того как Лу Сю-фу, обняв малолетнего наследника престола, бросился с горы Яйшань, один из патриотов скрывался здесь и днем и ночью взывал к Небу, чтобы оно воскресило погибшего императора. С тех пор прошло много лет, но над горами по-прежнему собираются мрачные тучи. И когда смотришь на них, рев морского прибоя за спиной кажется таким зловещим, что страшно обернуться.

В монастыре, о котором идет речь, вся утварь и все надписи³ буквально дышат древностью. Здесь, на берегу прозрачного пруда под сенью сосен и кипарисов, живут монахи, строго соблюдающие свой обет. Вокруг ни звука – даже чаши для подаяния не звякнут друг о друга. Каждый год, чуть минует зима, монахи принимают новых послушников, но приходит их очень мало: слишком трудно и опасно взбираться по горным тропинкам, ведущим к монастырю.

Однажды холодным утром, когда зазвучали мерные удары колокола, я стоял, прислонившись к отдаленной монастырской башне, и смотрел, как исчезают за горизонтом чайки. Уже наступила зима, морской ветер дул так сильно, что, казалось, был способен унести человека за тысячи ли. Сегодня истекал месяц моего послушания, и я думал о том, что пора спуститься с гор к своему духовному наставнику, чтобы потом всю жизнь возжигать в храме ароматные

¹ Имеются в виду южные провинции Китая: Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун.

² Династия Сун (X–XIII вв.) была свергнута монголами, установившими в Китае династию Юань (XIII–XIV вв.). Вспоминая о герое этих битв, помощнике министра Лу Сю-фу, автор явно намекает на борцов с современным ему маньчжурским игом.

³ В китайских храмах и домах часто висели парные вертикальные надписи с символическим текстом.

палочки и подметать во дворе шуршащие листья. От этих мыслей на глаза навернулись слезы, и я вздохнул.

Говорят, у меня нет матери. Неужели я сирота? Нет, нет! С кончиной приемного отца я стал совершенно одинок, но, когда ветер волнует ветви деревьев или моросит мелкий дождь, я среди тягостной тишины слышу материнский голос. Откуда он доносится, не знаю, но этот нежный голос все время звучит у меня в ушах.

Я снова вздохнул.

Мама, почему ты ни разу в жизни не позволила взглянуть на себя? Знаешь ли ты, что сын твой скитается по чужим краям, знаешь ли, как горька его участь?

Пока я предавался этим печальным думам, с неба хлынули волны света, вокруг стало удивительно красиво. Я накинул рясу, взял курительные палочки, четки и вместе с остальными монахами отправился на молитву. Войдя в главный зал, мы встали по обе стороны от алтаря, позади настоятелей, которые собрались из соседних монастырей. «Хвала аромату»⁴ кончилась, но все продолжали хранить молчание. Наконец один почтенный игумен скорбным голосом произнес:

– Помолимся Небу за родителей, которые нас вскормили!

Слезы неудержимо заструились по моему лицу; я не смел поднять головы. Другие монахи тоже плакали. Когда служба закончилась, настоятель подозвал меня и сказал:

– Сын мой, ты добродетелен, умен и воздержан в своих желаниях. Отправляйся к учителю на гору Душ. Там ты начнешь служить великому Будде...

Его мягкий, грустный голос развеял последние сомнения, я тут же совершил земной поклон и получил табличку монаха⁵. Затем, утирая слезы, попрощался со всеми и медленно спустился с горы. На ветвях уже не осталось ни одного листочка. Кругом было пусто и уныло; лишь дровосек то появится, то исчезнет в кустах. Но разве мог он знать о невыразимой боли идущего мимо человека? Эта глава – начало моей книги, и все, что в ней написано, – правда.

⁴ «Хвала аромату» – название одной из буддийских молитв.

⁵ Приняв постриг, монах получал специальную табличку.

Глава вторая

Покинув монастырь Морское облако, я поселился в заброшенном сельском храме и стал прислуживать своему духовному наставнику. Все свободное время я проводил в скорбных раздумьях. Учитель жалел меня, но его милосердие не способно было заглушить мою тоску, потому что я никак не мог расстаться с мыслями о людской жизни.

Однажды учитель послал меня в деревню за подаянием. Собрав больше десяти цзиней⁶ риса, я пустился в обратный путь и еще не успел подумать, где проведу ночь, как на меня напал разбойник. Со вздохом я отдал ему свой мешок. В это время небо уже потемнело; я дошел до берега моря, но найти дороги не мог. Проплутав больше часа, я наконец присел отдохнуть на отмели, с испугом взирая на огромные волны и надвигавшуюся со всех сторон темноту.

Пока я размышлял, как быть, в море показался огонек. Я понял, что это рыбацья лодка, и громко закричал:

– Эй, плывите сюда!

Огонек стал увеличиваться, и я успокоился. Вскоре лодка пристала к берегу.

– Чего тебе? – спросил рыбак.

– Прошу вас, перевезите меня в деревню Поло. Я тамошний монах. Заблудился и попал сюда.

– Ну вот еще, – проворчал рыбак. – Стану я перевозить всяких нищих монахов! Я рыбу ловлю!

С этими словами он снова вскочил в лодку и поплыл.

Я не знал, что делать, но тут до моих ушей донесся лай. Значит, где-то близко селение! Я пошел по травянистой тропинке и вскоре увидел древний храм, на дверях которого висел рыбацкий фонарь. Войдя внутрь, я свернулся калачиком на каменном полу. Вдруг снаружи раздался шум. Я поспешно вскочил, поправил одежду и увидел какого-то юношу.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я его.

⁶ Цзинь – около 600 граммов.

– За цикадами гоняюсь! – ответил он, показывая мне несколько бамбуковых корзиночек. – Ползаю ночами по обвалившимся стенам да утесам, точно вор, чтобы найти этих стрекочущих тварей! Представляете, как противно!

– Ты ведь молод и крепок, почему же не займешься настоящим делом?

Юноша нахмурился:

– А я занимаюсь! Цветник у нас есть... Так вот я каждый день собираю цветы и продаю тем, кто побогаче. Только богатые все скупые, так что на вырученные деньги не прокормишься. К тому же мать у меня старушка, надо ее чем-то порадовать, вот я и решил цикад продавать. Мать ничего не знает, а то запретила бы. Вторую ночь мотаюсь здесь и ни одной поймать не могу. А если, черт возьми, поймаю, так на ближайшей ярмарке наверняка получу за них хорошую цену! Куплю матери овечий халат, чтобы ей и зимой было тепло, как летом, тогда успокоюсь. Не думайте, что я за одними деньгами гонюсь!

Рассказ юноши до слез взволновал меня. А он тем временем участливо спросил:

– Вы хотите здесь заночевать?

Я посмотрел на юношу и, убедившись, что он искренне мне сочувствует, рассказал ему о своих злоключениях.

– О, как много вам пришлось пережить! – воскликнул он. – Наш дом совсем недалеко отсюда, и в нем есть свободная комната. Пойдемте со мной, а то здешние жители очень жестоки, и вам не поздоровится, если они примут вас за вора!

Тронутый участием незнакомца, я последовал за ним. Вскоре мы оказались в деревне. Юноша открыл ворота, а потом старательно запер их. Кружа по галерее внутреннего двора, я наслаждался множеством цветочных ароматов. Вдруг я услышал слабый старческий голос:

– Чао-эр, почему ты так поздно?

Я прислушался. Этот голос показался мне удивительно знакомым. Когда я вошел в комнату и увидел перед собой старую женщину, я расспросил, кто она, – и тут узнал, что это моя бывшая кормилица.

Глава третья

Печаль и радость смешались в моей душе. Ответив на почтительные приветствия, кормилица стала расспрашивать, как я живу. Потом, спохватившись, пригласила меня сесть, внимательно взглядела в мое лицо и после долгого раздумья грустно произнесла:

– Увы, Сабуро! Если бы я до сих пор жила в вашей семье, ты никогда не стал бы монахом. Я ведь служила у вас только три года, и твоя мать всегда была очень милостива ко мне. Уже десять с лишним лет, как я рассталась с госпожой, но перед каждой едой я вспоминаю ее в своих молитвах. После ее отъезда со мной начали плохо обращаться, но, вспоминая доброту твоей матери, я терпеливо сносила все, потому что не хотела бросить тебя. Когда же скончался твой приемный отец, на душе у меня стало еще тяжелее. «Сабуро теперь одинок и беззащитен», – сказала я себе и собралась написать госпоже, чтобы она взяла тебя в Японию. Но твоя приемная мать проведала об этом и в ярости велела избить меня бамбуковыми палками, а потом выгнала. После этого я уже не решалась писать госпоже.

Слова кормилицы прервались рыданиями. Я тоже чувствовал себя очень скверно и не знал, чем ее успокоить. Долгое время мы сидели молча. Вдруг я подумал, что бедной женщине было уже за сорок, когда она подверглась подобным унижениям. С трудом овладев собой, я принялся ее утешать:

– Не расстраивайтесь! Теперь я встал на ноги и всегда буду помнить то, что вы для меня сделали. Я монах и не вправе давать волю своим чувствам, но все же счастлив, что встретил вас и узнал о своей матери. Иначе я до самой смерти не увидел бы ее! Само Небо мне помогло! Те недолгие годы, которые я провел на свете, я верил, что мама жива, но не знал ни ее имени, ни где она. Скажите, если женщина, которую вы сейчас называли госпожой, действительно родила меня, почему она бросила своего сына на произвол жестокой судьбы и даже не искала его? И еще прошу вас: расскажите хоть немного о моем детстве.

Кормилица подняла на меня заплаканные глаза:

– Хорошо, Сабуро, только для этого я должна сначала рассказать о себе. Отец мой был простым крестьянином, всю молодость я провела в его доме, присматривая за скотиной. Потом вышла замуж и вместе с мужем с восхода до заката работала в поле. Жили мы очень счастливо; я даже не подозревала, сколько на свете лжи и горя. Но крестьянские годы текут словно вода.

Мне едва исполнилось тридцать, когда муж неожиданно умер, оставив после себя лишь маленького сына, вот его, Чао-эра. Туго нам с ним пришлось. Родственники и друзья нас забыли. Тут только я поняла, что не видать нам больше счастья; затосковала было, но кому пожалуешься...

Однажды, когда я собирала за околицей колоски, ко мне подошла какая-то женщина в старинной одежде и спрашивает: «У вас, наверное, большое горе?» Я обо всем рассказала; она сжалилась и сделала меня твоей кормилицей. Ты, конечно, догадываешься, что это была твоя мать. Она ведь японка, а у них одежда очень похожа на нашу старинную. Это я уже потом узнала.

Она сказала, что тебе всего несколько месяцев, что зовут тебя Сабуро и что твой отец недавно умер. Он носил имя Соро, принадлежал к древнему эдосскому⁷ роду и славился среди земляков своей смелостью и добротой. Однако вдовы его никто не пожалел. Опасаясь за твою жизнь, она решила отдать тебя на воспитание близкому другу вашей семьи, который жил в Китае. Японский закон запрещал это, но твоя любящая мать была готова на все. Ей не хотелось, чтобы злые люди тебя обидели.

В Китае твоя мать прожила всего три года, а потом позвала меня и сказала: «Я возвращаюсь на восток, береги Сабуро, он ведь родился под несчастливой звездой... Хорошенько смотри за ним, и я не забуду твоей милости!» Потом написала свой адрес и передала мне, наказав не потерять. Я до сих пор храню его в старой шкатулке.

Еще госпожа дала мне серебряных монет. Эти деньги давно истрачены, но моя благодарность не иссякла. Особенно хорошо я помню вечер перед отъездом госпожи. Она оставила тебе свои фотографии в каждой конфетной коробке, в каждом ящике с одеждой, чтобы, когда ты вырастешь, ты мог все время вспоминать ее. Кто знал, что после ее отъезда твоя приемная мать найдет их и изорвет! Три раза писала мне госпожа, деньги посылала, но все это твоя приемная мать отбирала: думала, что я назло ей показываю свою любовь к тебе... Из-за этого она меня и возненавидела, да как! Я собственными глазами увидела, что человек хуже зверя бывает! Выгнав меня, она распустила слух, будто твоя мать утонула, поэтому все родственники, друзья и соседи стали считать тебя круглым сиротой. Она хотела, чтобы ты и думать забыл о родине. Усыновить ребенка и так жестоко относиться к нему! Каким же чудовищем была она в предшествующем рождении!⁸ Видит Небо, я не собираюсь мстить ей. Я говорю чистую правду – только для того, чтобы ты остерегался этой страшной женщины.

Твой приемный отец был добрым человеком. Он всегда помнил о милостях твоего родного отца и относился к тебе как к сыну. Но после его смерти все изменилось. Твоя приемная мать оказалась поистине бессердечной. Теперь ты вырос, и я надеюсь, что больше с тобой ничего не случится. Может быть, и не надо было всего рассказывать: я уже стара и должна хранить верность твоей приемной матери. Так я и поступала до сих пор, но она причинила мне столько зла, что я могу нарушить свой долг. Остается лишь посетовать, как скверно устроен наш мир!

Кормилица хотела сказать еще что-то, но я с нарочито спокойным видом остановил ее, потому что сердце мое разрывалось от печали и я не желал напрасно терзать себя воспоминаниями о былых днях.

– Сейчас уже ночь, вы отдыхайте, а я отправлюсь на поиски матушки. И прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Конечно, в жизни ничего не предугадаешь, но молодые люди, вроде меня и Чао-эра, способны сделать многое...

Кормилица наконец подняла голову и обняла меня за плечи:

⁷ Эдо – старое название Токио.

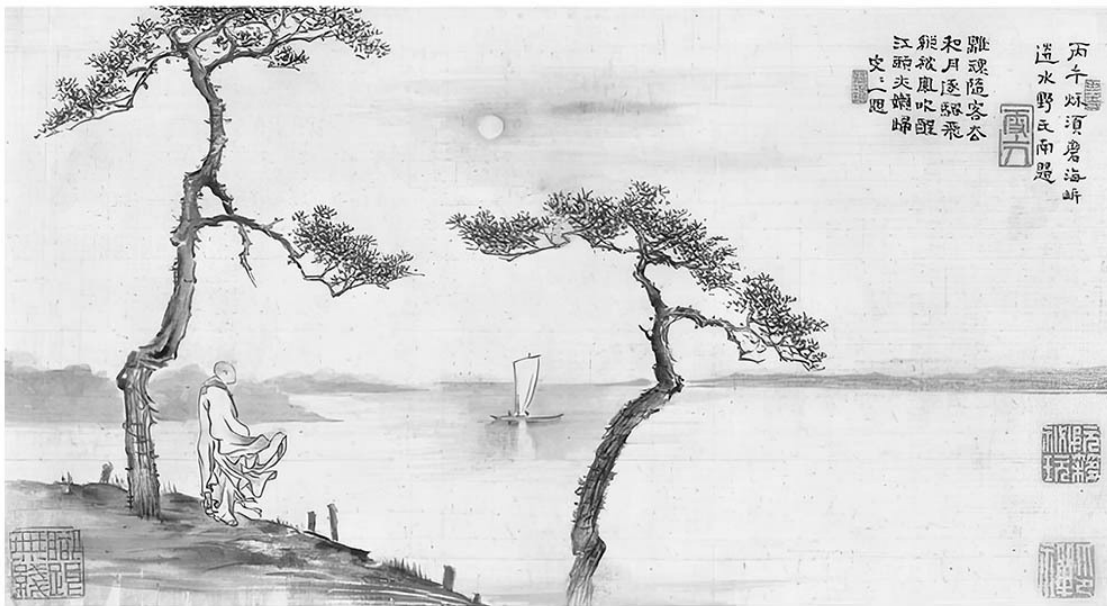
⁸ По буддийским поверьям, очень популярным в старом Китае, жизнь представляет собой бесконечную цепь рождений. Человек за грехи может в следующий раз родиться животным, а зверь, превратившийся в человека, сохраняет звериные черты.

– Нет, Сабуро! Посмотри, какой ты худенький и слабый! Переночуй у нас, еще лучше – поживи некоторое время, пока не придумаешь, как добраться до Японии. Я часто представляю себе госпожу, которая в своей старинной одежде стоит на берегу моря и ждет твоего возвращения. Рядом с ней твоя старшая сестра и младшая названная сестричка, ты, наверное, и не знаешь о них! Скоро ты услышишь голос своей матери. Мне уже пора в гроб ложиться, я вряд ли снова встречу с госпожой, но буду неустанно молить Небо, чтобы оно защитило ее!

Блеснули первые солнечные лучи, а я все еще думал о прошлом, которое глубоко запечатлелось в моем сердце. Вы, конечно, понимаете, что уснуть этой ночью я не мог. Терзаемый беспредельной тоской, я накинул одежду и вышел из дома. Растущие вокруг ивы показались мне скелетами, горная долина – пустыней.

Я стал жить в доме кормилицы. Целыми днями, даже в непогоду, мы с Чао-эром, забравшись в лодку, удили на безлюдной реке рыбу или выезжали за деревню пасти быков. Печаль по-прежнему не покидала меня, но теперь она все чаще растворялась в вечернем ветре и звуках рожка.

Глава четвертая

Однажды в сумерках, когда по пустынной деревне гулял пронизывающий ветер, мы с Чао-эром вернулись домой, нагруженные вязанками хвороста. Кормилица в это время сидела спиной к печке и латала куртку. При звуке наших голосов она подняла голову, взглянула на меня:

– Как я рада видеть вас, мои милые детки! Отдохните немного, а я сейчас зажгу свечу и накормлю вас свежей рыбой с рисом. Мы ведь живем недалеко от озера, рыба там чудесная и не очень дорогая. В деревне куда лучше, чем в городе!

Мигом скинув накидки и шляпы из пальмовых листьев, мы с кормилицей принялись за ужин. Трапеза была приятной, но, к сожалению, недолгой. Когда она закончилась, кормилица сказала мне:

– Сегодня я впервые увидела, Сабуро, как ты таскаешь хворост, и у меня заныло сердце. Ты ведь совсем слабенький! Пожалуйста, впредь не делай этого. В тяжелой работе мне будет помогать Чао-эр.

А теперь выслушай меня внимательно. Я кое-что для тебя придумала. Все три весенних месяца у нас в саду цветут цветы. Сейчас уже середина зимы, ждать осталось недолго. По утрам ты сможешь носить цветы на продажу, а днем будешь помогать мне ухаживать за ними. Доход от цветов невелик, но года за два, за три, я думаю, удастся собрать тебе на дорогу в Японию. Другого выхода я не вижу. Что ты об этом думаешь, Сабуро?

– Пусть будет так, как вы говорите, – с радостью согласился я.

– Твои родственники, наверное, знатны, ездят «в легких одеждах на сытых конях»⁹, – продолжала кормилица. – Можно только удивляться, что сейчас ты вынужден торговать цветами. Но, вернувшись в Японию, ты снова станешь богатым, и тебе уже не придется заниматься таким унижительным делом.

Я смотрел в доброе лицо кормилицы, и от ее улыбки мне становилось все теплее.

Дни и месяцы сменяли друг друга, и незаметно наступила весна. Каждый день, рано утром, я, повинаясь наставлениям кормилицы, облачался в грубую одежду пастуха и шел про-

⁹ Слова из одноименного стихотворения Бо Цзюй-и (VIII в.).

давать цветы. В левой руке у меня была корзинка, в правой – бамбуковая палка. Чтобы скрыть свою бритую голову, я носил рыбацкую шляпу. Так я ходил по дорогам, стыдясь своего вида: особенно потому, что моими покупателями были главным образом девушки и женщины. За день я успевал обойти не больше четырех деревень и заработать всего две-три сотни медяков. Так прошел месяц.

Однажды, когда я приближался к какой-то деревне, небо вдруг нахмурилось, пошел дождь. Это было незадолго до праздника весны¹⁰, когда родственники умерших приводят в порядок могилы, и дорога была пустынна. Только дробный звук падающих капель навевал печаль на вымокшего путника. Я подошел к одному из домов и остановился передохнуть под редкими ивами. В стене передо мной было окно, затянутое зеленым флером. Случайно взглянув на него, я увидел сквозь флер девушку, которая только что закончила прихорашиваться. Она поразила меня своей красотой, но ее яшмовое личико было чересчур серьезно, на нем лежала печать глубокой грусти. Не успел я рассмотреть девушку, как видение уже исчезло.

Тем временем дождь прекратился, небо стало проясняться, омытые водой деревья радовали глаз. Я собрался было идти дальше, но тут дверь дома отворилась, и я увидел еще одну девушку, которая быстро подошла ко мне, поклонилась и дрожащим голосом сказала:

– Извините за бесцеремонность, но я хотела бы узнать, кто вы и откуда пришли. Разве пристало юноше в расцвете сил заниматься столь ничтожным делом? Ведь молодость пройдет, и тогда раскаиваться будет уже поздно... Неужели вы этого не знаете? Прошу вас, ответьте мне!

Девушка, видно, была умна и не похожа на обычную крестьянку. Как метки ее слова! Уж не провидица ли она? А может быть, интересуется моей судьбой по какой-нибудь другой причине? В смятении я стоял словно деревянный и не знал, что ответить.

Помолчав, девушка снова заговорила:

– Я докучаю вам по приказу барышни, которая велела обо всем вас расспросить. Моя госпожа чрезвычайно замкнута и избегает незнакомых людей. Для вас же она сделала исключение лишь потому, что в ваших просьбах купить цветы слышится неизбывная скорбь. Она увидела вас через окно и поняла, что человек с такой судьбой не может быть весел. Не сердитесь, если я спрошу вас вот о чем: ваша фамилия Каваи, а имя – Сабуро?

Я был так изумлен и испуган, что едва не пустился бежать, однако, подумав, что эти девушки вряд ли способны причинить мне зло, тихо ответил:

– Да, я Каваи Сабуро. Я собираюсь в Японию на поиски матери и должен хоть что-нибудь заработать. Надеюсь, вы никому не скажете об этом. Буду весьма признателен!

Девушка отвесила мне глубокий поклон:

– Обещаем хранить тайну. Берегите себя! Я тотчас же расскажу обо всем барышне, а вас прошу навеститься завтра утром...

Что бы все это могло значить? Теряясь в догадках, я медленно вернулся домой.

¹⁰ Праздник весны (Цинмин) – отмечается в пятый из двадцати пяти сезонов сельскохозяйственного года, 5–6 апреля по лунному календарю. Перед этим праздником поминают усопших.

Глава пятая

На следующий день небо стало еще более хмурым. Рано проснувшись, я почувствовал, что сердце мое охвачено волнением, и сразу вспомнил о вчерашнем приглашении. Дойдя до этого места, читатель наверняка решит, что я попал в тенета любви и тем самым воздвиг перед собой неодолимое препятствие к постижению чистой истины. Но тогда я искренне думал: живя в грешном мире, я останусь чистым, как лотос, вырастающий из тины, никакая скверна меня не коснется. Чего же мне опасаться? Мог ли я тогда предвидеть, что на моем пути возникнет множество испытаний, о которых я расскажу позже.

Мгновение, когда я вышел из ворот своего дома, стало началом этих испытаний. Прибрежные деревни соблюдали «Дни холодной пищи»¹¹, вокруг бесчинствовали ветер и дождь. Я заколебался, думая, что такая погода не может служить хорошим предзнаменованием. Но тут мне пришло на ум, что встреча с девушками не случайна, иначе они не знали бы моего имени. Еще вчера, увидев прекрасное и спокойное лицо молодой госпожи, я понял, что она не похожа на легкомысленных красоток. Ведь не осмелилась же она заговорить со мной в тот день, словно пошлая кокетка!

Так размышляя, я незаметно оказался у знакомого окна, задернутого зеленым флером. В доме не было никакого движения. Я долго стоял ошеломленный. «Уж не посмеялась ли надо мной эта девчонка?» – сказал я себе и начал старательно припоминать каждое ее слово. Ничто, однако, не вызвало моих сомнений.

И в самом деле, немного спустя, когда ветер и дождь поутихли, из дома вышла служанка, приблизилась ко мне и без единого слова, даже не улыбнувшись, протянула пакет. Я схватил его и почувствовал в руке тяжесть. Хотел спросить, что это, но служанка уже исчезла.

¹¹ «Дни холодной пищи» (Хань ши) – двухдневный пост перед праздником весны. Восходит к эпохе Весны и Осени (VIII–V вв. до н. э.), когда некий князь обидел своего верного сподвижника Цзе Чжи-туя. Тот ушел в лес и не хотел оттуда возвращаться. В конце концов князь поджег лес, но Цзе Чжи-туй обнял дерево и сгорел. Раскаявшийся князь запретил своим подданным разводить огонь в это время года.

Поспешно заглянув в пакет, я обнаружил там монеты, довольно большую горсть. В волнении пошарил еще и наконец нашел мелко исписанный, словно перевитый черными нитями листок бумаги. Это было письмо. И какое письмо! Когда я прочел его, душа моя задрожала, а сердце едва не разорвалось. Вот что говорилось в нем:

«Милый Сабуро! Тебе пишет Сюэ-мэй, низко кланяясь и разбавляя тушь слезами.

Мне давно говорили, что ты сбрил волосы и удалился в пустынные горы. Зная твой непреклонный нрав и любовь к одиночеству, я поверила в это и не раз старалась сдержать готовые вырваться рыдания. Я думала о тебе и днем и ночью, но не могла представить, куда ты скрылся. Мне оставалось только смириться с судьбой. И вот однажды утром я вдруг услышала голос продавца цветов; в этом голосе мне почудился крик сердца Сабуро. Помолвленная с тобой еще ребенком, я была поражена чистотой твоего облика и с тех пор ношу его в своей памяти. Увидев тебя из окна, я сразу поняла: это мой Сабуро! Мне показалось, будто душа моя улетела и парит в небесных высях, а сердце рвется вслед за ней. Я хотела выйти к тебе, но не решилась нарушить приличия и потому послала служанку. Надеюсь, ты пожалеешь меня и простишь за то, что я смутила твою ясную душу!

С тех пор как умерла моя мать, я живу одиноко и тоскливо, утратив всякий интерес к жизни. Не знающая милосердия мачеха забывает о справедливости тотчас же, как заходит речь о выгоде. Это она уговорила моего старого отца расторгнуть нашу помолвку, чтобы обручить меня с другим. Но мое сердце по-прежнему принадлежит тебе, Сабуро! И если когда-нибудь родители захотят силой выдать меня замуж, мне останется лишь покончить с собой. Пусть мои кости сгибают в кольца, а тело режут на тысячи кусков, пусть покинет меня Небо, я все равно останусь твоей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.